

Религиоведение. 2023. № 4. С. 51–58.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 4. P. 51–58.

DOI: 10.22250/20728662_2023_4_51

Религии / Religions of
Востока the East

Данчай-оол А.А.

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Российской Федерации
660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1
dayas@inbox.ru

Религиозно-философский анализ монотеизма тенгрианства

Аннотация. В статье осуществлён анализ наличия черт монотеистических религий в тенгрианстве как архаичной религии тюрко-монгольских народов. Определены характерные черты семитских религий в виде Абсолюта, универсальной антропологии, требований к социальной структуре, которые отсутствуют в рамках тенгрианства. Представлен логический анализ формирования и развития тенгрианства как религии, построенной на культе неба. Локальные культурно-исторические традиции и религии формируются в конкретных условиях, что не требует от них создания абстракций и универсалий, поэтому в тенгрианстве не выделить диалектику и метафизику. Показано, что тенгрианство не трансцендентно по своей сути и культ Неба не трансцендентален в своём предмете. Обозначены причины трансформации тенгрианства из народно-племенной религии в имперскую, объединившую множество тюрко-монгольских кочевых народов. Тенгрианство проявляется как открытая религия, синкретично переплетающаяся с натуралистическим мировоззрением локальных культур. Выявлены противоречия в определении монотеизма в тенгрианстве по типу семитских религий. Подчёркнуто то, что понятие тенгрианства является неологизмом. Проанализированы механизмы новой интерпретации архаичных религиозных идей в современности.

Ключевые слова: тенгрианство, культура, традиция, религия, монотеизм, Абсолют, мировоззрение, кочевая культура

Ayas A. Danchay-ool

Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
1 Partizan Zheleznyak str., Krasnoyarsk, 660022, Russia
dayas@inbox.ru

Religious and Philosophical Analysis of the Monotheism of Tengrism

Abstract. The article analyzes the presence of features of monotheistic religions in Tengrism as an archaic religion of the Turkic-Mongolian peoples. The characteristic features of the Semitic religions are determined in the form of the Absolute, universal anthropology, requirements for the social structure, which are absent within the framework of Tengrism. The author provides a logical analysis of the formation and development of Tengrism as a religion built on the cult of heaven. Local cultural and historical traditions and religions are formed in specific conditions, which does not require them to create abstractions and universals, therefore, dialectics and metaphysics cannot be singled out of Tengrism. It is shown that Tengrism is not transcendental in its essence, and the cult of Heaven is not transcendental in its subject matter. The article indicates reasons for the transformation of Tengrism from a folk-tribal religion into an imperial one, which united many Turkic-Mongolian nomadic peoples. Tengrism manifests itself as an open religion, syncretically intertwined with the naturalistic worldview of local cultures. Contradictions are revealed in the definition of monotheism in Tengrism by the type of Semitic religions. The author emphasizes that the concept of Tengrism is a neologism and analyzes the mechanisms of a new interpretation of archaic religious ideas in modern times.

Key words: Tengrism, culture, tradition, religion, monotheism, Absolute, worldview, nomadic culture

Динамичность развития современной культуры формирует множественные уникальные феномены. Обнаруживаются мировоззренческие концепты и конструкции, которые не могли возникнуть до эпохи глобализации. В новом свете открываются традиционные религиозные системы. Одним из таких феноменов является тенгрианство, которое часто опускается в религиозоведческих или этнографических исследованиях большинства культурно-исторических традиций тюрко-монгольских народов в силу синкретизма и открытости. Исследователи не выделяют его из языческих и натуралистических религий. С конца XX века появляется большое количество публикаций, посвящённых проблеме тенгрианства, чем определяется актуальность темы. В то же время исследования раскрывают исторические и этнографические аспекты становления и развития тенгрианства. Философия же позволяет выйти за пределы опытного постижения религиозного сознания и провести критический анализ базовых положений. Так, в публикациях, посвящённых тенгрианству, его зачастую характеризуют как монотеистическую религию [Уланов, 2022]. Поэтому задачей данного исследования является определение существенных различий между тенгрианством и монотеизмом. Причём монотеизм мы будем рассматривать на примере семитских религий, в основном формирующих мировоззренческое поле на сегодняшний день. В исследовании используется феноменологический метод, позволяющий освободиться от стереотипов и предрассудков, а также компаративистский метод, выделяющий основные элементы той или иной религии.

Тенгрианство (Tengrism в английском варианте), согласно Н.В. Абаеву, [Абаев, 2013], является религией первых индоевропейских кочевников, которая выполняла функции национально-государственной религии. Edina Dallos отмечает, что тенгрианство является видом имперской религии [Dallos, 2019]. Основу его составлял культ Тенгри (Неба), который является выражением космического порядка, построенного на диалектике «Неба» и «Земли и Воды».

Особое значение имеет то, что само понятие тенгрианства является неологизмом, то есть это интеллектуальный конструкт, объединяющий религиозно-мировоззренческие идеи далёких времён. С точки зрения исторической действительности оперирование этими идеями для формирования такого конструкта является противоречивым, но с философско-антропологической мысли тенгрианство является рефлексией народов Центральной Азии, и поэтому имеет определённую ценность.

Не зря Н.В. Абаев отмечает, что генезис и историческая эволюция тенгрианства слабо разработаны [Абаев, 2015, 55]. В то же время исследования тенгрианства для Центральной Азии чрезвычайно востребованы, ежегодно проводятся конференции и дискуссии, раскрывающие аспекты этой древней религии [Тенгрианство, 2021]. Большое влияние на исследования тенгрианства оказали идеи евразийства и идеологического обоснования единства постсоветского пространства.

Тенгрианство демонстрирует вовлечённость тюрко-монгольских народов в социально-политические процессы Азии со времён хунну. Логично и обоснованно говорить о наличии единых мировоззренческих черт, свидетельствующих о стремлении к созданию унифицированной религиозной системы, выходящей за пределы конкретной локальности. Это требует выработки определённых абстрактных категорий: бытие, Абсолют, человек, общество, государство, благо, разум, сознание. Тенгрианство не сформировало абстрактных категорий бытия, сущего, пустоты, как это произошло в буддизме, христианстве и исламе. Также в тенгрианстве отсутствовали социальные идеологемы добра, греха, праведности [Уланов, 2022]. То есть оно не выдвигало строгих требований к социальной структуре, как это происходит в семитских монотеистических религиях. В целом тенгрианство не смогло оформиться в институализированной форме, что является естественным в виду открытости самой религиозной системы, и фактически такой задачи не стояло. Каждая конкретная культурно-историческая традиция не существует в вакууме, но участвует в диалоге разных традиций. Этим можно объяснить стремление к формированию общего религиозно-культового пространства кочевых народов. Но в виду динамичности самого способа жизнедеятельности довольно проблематично построение гомогенной религиозно-культовой системы. Необходимо разобрать, почему оно не получило дальнейшего развития в векторе монотеизма.

Автохтонные религиозные верования являются адаптацией к конкретным природно-климатическим и социально-историческим условиям. Поэтому они не стремятся к выработке абстрактных категорий и понятий, в виду того, что это требовало бы создания трансцендентного поля мышления человека и «абстрактного человека». В *конкретной* культурно-исторической традиции человек и сам *конкретен*, потому что он действует в *конкретной* локации и в *конкретное* время. Его дух не проникает сквозь них, он не стремится раствориться в абстракции. Когда возникает необходимость выработки универсальной антропологии и этики, тогда начинает формироваться трансцендентная религиозно-мировоззренческая система, вбирающая в себя универсалии, способные охватить всё сущее, и вырабатывающая максимально абстрактный категорийно-понятийный аппарат. Данный аспект явно раскрывается в генезисе европейской цивилизации, тотальность которой отмечена А.А. Кодаром [Кодар, 2009б], благодаря этому она становится базисом глобализации. В сущности мировых религий заложена универсальная антропология, из чего следует формирование понятия «абстрактного человека», способного осуществлять деятельность в любой локальности и в любое время. Именно в такой системе возникают диалектические концепции, описывающие реальность и существование феноменов в потоке непрерывного развития.

Монотеизм невозможно представить без концепции Абсолюта. Согласно Новой философской энциклопедии, Абсолют является понятием, обозначающим самодостаточную, вечную, актуально бесконечную духовную реальность, в которой коренится бытие всего сущего [Абсолют, 2010]. В монотеистических религиях, религиозно-философских и теологических концепциях Абсолют тождествен Богу. Культ Неба в тенгрианстве не раскрывается так, как это происходит в интерпретации брахмана, Дао, Единого, Бога. Тотальность и трансцендентальность духа не присущи Тенгри, потому что синкретизм древнего мировоззрения не требует аналитического разделения человека и бытия.

Другой характерной чертой монотеизма является эсхатологическое учение, которое тенгрианство не выработало. Что является логичным в виду отсутствия учения об «идеальной социальной структуре». В целом мы видим, что в тенгрианстве отсутствуют диалектические концепции, оперирующие линейным мировоззрением, оно развёртывается в рамках цикличной картины мира. Линейное становление и саморазвитие бытия, исходящее от «идеи сущего», выходит за рамки созерцательного познания действительности и оперирует трансцендентальными сущностями. В этом аспекте логичен вывод о наличии единого тенгрианского концепта на основании принадлежности к кочевой культуре. Таким образом, становится очевидным, что тенгрианство не переходит к трансцендентности, так как является органичным проявлением мировоззрения, основанного на духовном единстве с природой [Rudenko, 2015]. Жизнь кочевников наполнена динамикой передвижения в пространстве, в которой ландшафт постоянно сменяется. Неизменным остаётся только небо, наполненное безмятежностью. Кочевник видит в нём опору бытия, формирующую всё многообразие мира. Например, в географическом пространстве Республики Тыва имеются множество климатических зон в виде полупустынных, степных и горных ландшафтов, в которых отличается и флора, и фауна [Ооржак, Назын, Ондар, 2021]. Это разнообразие усиливалось в разные времена года, путешествие по таким местам современными людьми описывается как чтение книги или рассматривание красочного альбома. Поэтому культ Неба является наиболее логичным центральным стержнем, вокруг которого формировался комплекс натуралистичной картины мира. Концепт «Неба» явно сформирован в эмпирическом созерцании, что позволяет транслировать его на значительное число кочевых этнических групп. В исследованиях тенгрианства обнаруживается толерантность и веротерпимость кочевников [Уланов, 2022]. Кроме того, синкретизм тенгрианства позволил ему органично интегрироваться в систему локальных религиозно-мировоззренческих представлений отдельных этнических групп Азии, поэтому он не выделяется в исследованиях, использующих европоцентристский методологический аппарат.

Наличие неологизма тенгрианства и стремление к построению его в форме неотрадиционализма являются естественными в условиях, когда постоянно возни-

кает борьба идеологических систем различных империй. В публикациях, посвящённых этой теме, постоянно проскальзывает идея наличия идеологического фундамента кочевой империи Азиатского региона [Абаев, 2015]. В исследованиях тенгрианства носителями определяются тюркские и монгольские этнические группы. И в современности, и в более ранние времена тюркские народы предельно разнообразны и расселены в огромных пространственных масштабах. Монгольские народы также не являются гомогенными [Наваанзоч, 2015]. Возникает вопрос: «Как возможно в таких условиях построить империю с легитимной властью правителя?». Обоснование права на насилие с необходимостью конструируется преемственностью и приближённостью правителя к «Небу». Динамичность и цикличность жизни кочевников позволяли найти точку соприкосновения в построении духовного единства в концепте вечного и неизменного, не подверженного изменениям. Культ Неба без сложной теологии понятен любому человеку в пространстве проживания кочевых народов. Кроме того, он легко адаптируется к локальным духовным концептам (одухотворённости природных сил, духов предков) и не противоречит им.

Отсутствие универсализма в тенгрианстве не определяется в рамках телеологически-прогрессивистской методологии, и это относится ко всем локальным автохтонным религиозным верованиям. Оно означает конкретность содержания такой религиозной системы, поскольку является адекватным ответом на проблемы мировоззрения конкретной локальности и в конкретный временной промежуток. Субъективный мир такой картины мира более наполнен и органичен, чем стремящаяся к максимальной абстракции универсальная система взглядов на мир и место человека в нём. Поэтому возникает концепт трансцендентного Абсолюта, который вне границ локальности, вне границ времени. В бытии локальной культурно-исторической традиции всё конкретно, что проявляется в мифологии, эстетике, этике. Такой факт является ещё одним подтверждением самоценности каждой автохтонной религиозной системы и её единства с культурно-исторической традицией. Поэтому мы видим множество примеров в истории народов, когда в периоды кризисов обостряется желание возвращаться к истокам и выстраивать преемственность от древних времён к современности.

Зарождение тенгрианства происходило в условиях постепенного развития мировоззрения, когда человек в значительной степени зависел от природных условий. Сама сущность его существования выходит за рамки динамики обыденности. В определённой степени это и становится залогом живучести тенгрианства и его сохранения в культурных архетипах и паттернах даже в современном динамичном мире. Тенгрианство заполняет собой вакуум суперэтнического пространства [Фельдман, Абаев, 2014], возникающего с необходимостью в условиях активных военных действий, требующих значительных человеческих и хозяйственных ресурсов. Такая политическая мегасистема требует выработки идеологием, позволяющих взаимодействовать людям совершенно различного этнического и географического происхождения. Как пишет Yelena I. Rudenko [Rudenko, 2015], тенгрианство синтезирует мифологические представления, связанные с отношением человека к природе и его стихийные силы, которые возникли естественно-историческим путём на основе народного мировоззрения.

В тенгрианстве чётко проявляется абстрактный концепт Неба, но есть ли в нем абстрактный концепт человека, характерный для монотеистических религий? Издревле для каждой конкретной культурно-исторической традиции полноценным человеком является только её носитель. Человек из другой местности, другой культуры не обладает всеми характеристиками для определения принадлежности к человеку [Bang, Marin, 2015]. Можно привести множество примеров пренебрежительного и уничижительного отношения к инородцам в культуре, в том числе и современной. Шовинизм и дискриминация в современном глобализированном социальном пространстве имеют глубокие корни, которые являются проявлением исторически сформированной нетерпимости к другим людям [Шевченко, 2013]. Современные религии, основанные на универсальных концептах, возвышают себя над конкретным культурным пространством, что и не позволяет им сформировать эффективные методы взаимодействия с природой. С конца XX века и до недавнего времени эко-

номические, политические проблемы становились менее острыми, чем культурные [Huntington, 1993], отчасти природа этого феномена скрывается в универсализме мышления. В то же время общепризнанно, что конкретные культурно-исторические традиции являются наиболее бережливыми в построении механизмов взаимодействия человека, общества и природы [Сюзюкей, Хулер, 2022], ввиду формирования «экологического сознания» [Rudenko, 2015]. Определённо мы не можем обнаружить такой абстрактный концепт, который был бы универсальным по форме и содержанию, а также хотя бы отдалённо раскрывал всеобщие характеристики человека. В христианстве мы видим, что дух и душа являются уникальными и свойственными только для человека сущностями. В тенгрианстве выделить аналоги не получается. Исходя из этого мы приходим к выводу об отсутствии универсальной антропологии в рамках тенгрианства.

Каждый индивид, бесспорно, обладает сознанием, которое в своём субстанциональном проявлении является уникальным и самоценным. Такой подход становится основополагающим в современном философском дискурсе. При этом такой же самоценностью обладает субъект конкретного этноса в виду того, что он выработал свою уникальную систему мировоззрения, объединяющую своих представителей в общее пространство паттернов и архетипов. Следуя этой логике, мы приходим к выводу, что религиозно-культурные системы, сформированные как автохтонные методы созерцания практики и адекватные историческому становлению этноса, имеют онтологическое значение для него. И принижение или идеологически насильственная постановка её в абстрактный процесс развития мирового духовного прогресса приводит этнос к экзистенциальному кризису. В конце концов это может привести к крайне деструктивным формам.

Антропологически положительной чертой тенгрианства можно оценить общую терпимость к интерпретациям и местным адаптациям концептов и идеологем [Аюпов, 2012, 17]. В нём не выработаны конкретные формы диалектики и метафизики. Поэтому же невозможно в современности определить жёсткую понятийно-категориальную систему тенгрианства, которая бы проявлялась в каждой культуре, сохранившей его черты до наших дней.

Наличие строгой и логически обоснованной теологии является характерным для европейской рационально-абстрактной традиции, в которой неотъемлемой чертой является духовное единство человека с Богом [Зинковский, Кузнецова, 2021]. Многообразие мировоззренческих систем и свобода созерцания евразийского пространства не могут быть ограничены такими рамками. Не зря Н.Г. Аюпов отмечает противоречивость абстрактного понятия «традиционной культуры», сформированного в рамках европейской рациональности, разделившей человека и культуру [Аюпов, 2012, 25].

Неологизм и неотрадиционализм тенгрианства является региональной адаптацией к процессу глобализации, в котором выделяются процессы не только фрагментации, но и глокализации, транснационализма [Монгуш, Данчай-оол, 2022]. Фрагментация проявляется в обретении независимости рядом тюркских государств [Аюпов, 2012, 5]. После распада СССР, освобождения от идеологического диктата диалектического материализма, усматривавшего в культурах отдельных народов только этапы движения к высшей цели социального развития, и возникновения идеологического вакуума локальные субъекты этнических групп начали попытки восстановления линии преемственного развития автохтонной традиции (от древности к современности). Поэтому только с момента прихода монотеистических религий в пространство проживания тюрко-монгольских народов стал выделяться «Тенгри» – как верховное или единое божество [Кызласов, 2016, 29]. Как отмечают Anzhiganova L., Asochakova V., Тороева М., под влиянием христианства у хакасов возникла вера в богов «Кудая» и «Эрлик-хана», которые никогда не фигурировали в шаманских молитвах и обрядах [Anzhiganova, Asochakova, Тороева, 2017]. Очевидно, что механизм анализа современными исследователями тенгрианства в рамках оппозиции «политеизм – монотеизм» приводит к искажённым интерпретациям или создаёт новое бытие ушедшим смыслам.

Заключение

Таким образом, в своей сущности тенгрианство не создало монотеизма в той форме, в которой он существует в христианстве или исламе. В частности, это подтверждается словами А.А. Кодара, определившего тенгрианство как «атеистический монотеизм» [Кодар, 2009б]. В глаза бросается противоречивость такого определения. Как продемонстрировано выше, культ «Неба» не проявляется в автономии к другим концептам в рамках комплекса древних религиозно-мировоззренческих учений, а также не является трансцендентальным по своей сути. Кроме того, важно отметить, что А.А. Кодар выделяет два модуса в тенгрианстве: народный и имперский [Кодар, 2009б]. В первую очередь культ Неба сформировался в рамках племенной структуры, а далее в ходе исторического процесса привёл к формированию имперской религии, в которой приобретает монотеистический характер [Кодар, 2009а]. То есть, если проводить анализ исторического развития, то в первую очередь в стихийном проявлении тенгрианства явно прослеживается дуальная религиозно-мировоззренческая система («Небо» – «Земля») [Бичелдей, 2009]. Одним из первых европейских исследователей Тенгри Ж.-П. Ру определено, что это понятие является двояким, означающим и небо, и бога [Roux, 1956]. Далее в имперском проявлении особое значение приобретает «Небо», которое является основой легитимности правителя, являющегося прямым исполнителем его воли. Несомненно, такая трансформация тенгрианства произошла по внешним причинам, в качестве которых выступают политические мотивы. Поэтому В.Р. Фельдман выделяет синергетический эффект тенгрианства в истории народов Центральной Азии, который устраняет энтропию [Фельдман, 2011].

В результате содержание тенгрианства совершенно иначе раскрывается с позиции современности, потому что методология европейской науки диктует необходимость применения подходов, сформированных при анализе монотеизма. Бесспорно, что классическое образование и наука в европейской цивилизации обнаруживают себя в рамках религиозной картины мира. Система образования, прививающая людям с момента модернизации европоцентристскую картину мира, ограничивает варианты методов и подходов, которыми эффективно могут оперировать исследователи. По этой причине выявляются указанные выше противоречия в исследованиях, посвящённых тенгрианству.

Отсутствие чётких проявлений черт монотеизма по подобию семитских религий в тенгрианстве не является его слабой чертой. Такая открытость и синкретичность могут проявляться как метод сохранения самодостаточности и самооценности, что позволяет выстраивать своё уникальное понимание человека и его места в мире.

Библиографический список

1. Абаев, Н.В. Архаические формы религии и тенгрианство в этнокультурогенезе народов Внутренней Азии / Н.В. Абаев. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2015. – 248 с.
2. Абсолют // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010 [т.е. 2009]. – Т. 1: А -Д. – С. 11.
3. Аюпов, Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение / Н.Г. Аюпов. – Алматы: КазНПУ им. Абая; Изд-во «КИЕ», 2012. – 256 с.
4. Бичелдей, К.А. Тенгрианство в Центральной Азии и Саяно-Алтае: истоки и этнокультурные взаимосвязи [Электронный ресурс] / К.А. Бичелдей // II-я Международная научно-практическая конференция «Тенгрианство и эпическое наследие кочевников Евразии: истоки и современность». – Улан-Батор, 2009. – URL: <https://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/tengriantstvo-v-centralnoj-azii-i-sayano-altae-istoki-i-etnokulturnye-vzaimosvyazi> (дата обращения 28.04.2023).
5. Зинковский, Е.А., Кузнецова, К.В. Богословская антропология и педагогика: к вопросу сотрудничества [Электронный ресурс] / Е.А. Зинковский, К.В. Кузнецова // Вестник РХГА. – 2021. – № 2. – С. 263–269. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bogoslovskaya-antropologiya-i-pedagogika-k-voprosu-sotrudnichestva> (дата обращения 28.04.2023).
6. Кодар, А.А. Тенгрианство в контексте монотеизма / А.А. Кодар // Новые исследования Тувы. – 2009. – № 1–2. – С. 216–225. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tengriantstvo-v-kontekste-monoteizma-1> (дата обращения 12.02.2023).

7. Кодар, А.А. Тенгрианство в свете номадологии Делеза-Гваттари [Электронный ресурс] / А.А. Кодар // Новые исследования Тувы. – 2009. – №4. – С. 82–90. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tengrianstvo-v-svete-nomadologii-deleza-gvattari> (дата обращения 28.04.2023).
8. Кызласов, И.Л. Тенгрианство / И.Л. Кызласов // Большая российская энциклопедия. – М., 2016. – Т. 32. – С. 29.
9. Монгуш, С.О.о. Трансформация тувинской культуры в процессах модернизации и глобализации / С.О.о. Монгуш, А.А. Данчай-Оол // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 7(99). – С. 29–35. – DOI 10.24158/fik.2022.7.4.
10. Наваанзоч, Х. Цэдэв Образование в условиях полиэтничности (на примере Хобдского аймака Монголии) [Электронный ресурс] / Цэдэв Наваанзоч Х. // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. – 2015. – № 4. – С. 30–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-v-usloviyah-polietnichnosti-na-primere-hobdskogo-aymaka-mongolii> (дата обращения 28.04.2023).
11. Ооржак, А.В. К изучению лекарственных растений Республики Тыва / А.В. Ооржак, Ч.Д. Назын, Е.Э. Ондар [и др.] // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. – 2021. – № 1 (73). – С. 6–23.
12. Сузукей, В.Ю. Фундаментальные принципы взаимодействия с окружающей средой и сакральная экология в традиционной культуре тувинцев / В.Ю. Сюзукей, С.А. Хулер // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12. – № 1А. – С. 93–101. DOI: 10.34670/AR.2022.10.47.010
13. Уланов, М.С. Тенгрианство в истории и культуре номадов Центральной Азии / М.С. Уланов // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 3. – С. 103–115. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>.
14. Фельдман, В.Р. Цивилизация народов Центральной Азии: субстанциональные основания бытия [Электронный ресурс] / В.Р. Фельдман, Н.В. Абаев // Вестник БГУ. – 2014. – № 6–1. – С. 3–8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsiya-narodov-tsentralnoy-azii-substantsionalnye-osnovaniya-bytiya> (дата обращения 28.04.2023).
15. Фельдман, В.Р. Идеологические функции «Тэнгрианства» / В.Р. Фельдман // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 2–3. – С. 243–247. – EDN PIFXUX.
16. Хомушку, О.М. Религия в истории культуры тувинцев / О.М. Хомушку. – М.: Наука, 1998.
17. Шевченко, О.М. Расовая идентичность и ксенофобия в эпоху модерна [Электронный ресурс] / О.М. Шевченко // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 7. – С. 16–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasovaya-identichnost-i-ksenofobiya-v-epohu-moderna> (дата обращения 28.04.2023).
18. «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность»: сборник VIII Международной научно-практической конференции (22–23 сентября 2021 г., Домбай, Республика Карачаево-Черкесия, Россия). 1-е изд., стер. – Международный Фонд исследования Тенгри. 2021. – 460 с.
19. Abaev, N. Tengrianstvo As National and State and National Religion of the Turko-Mongolian People of Internal Asia / N. Abaev // Black Sea Int. Sci. J. – 2013. – № 19. – С. 3–10.
20. Anzhiganova, L. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification / L. Anzhiganova, V. Asochakova, M. Topoeva // Revista de Humanidades. – 2017. – Vol. 30. – P. 141–154.
21. Bang, M., Marin, A. Nature–culture constructs in science learning: Human/non-human agency and intentionality / M. Bang, A. Marin // Journal of Research in Science Teaching. – 2015. – Vol. 52. – No. 4. – P. 530–544.
22. Dallos, E. About the Concept of Tengrism / E. Dallos // Papers of the 7 th International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe “Competing Narratives between Nomadic People and their Sedentary Neighbours”. – Szeged, 2019. – P. 67.
23. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? / Samuel P. Huntington // Foreign Affairs. – 1993. – No. 3. – Vol. 72. – P. 22–49.
24. Roux Jean-Paul. Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques / Jean-Paul Roux // Revue de l’histoire des religions. – 1956. – Vol. 149. – No. 1. – P. 49–82.
25. Rudenko, Y.I. Spiritual Unanimity and Ecological Morality of Hinduism and Tengrism / Y.I. Rudenko // Sanskrit Studies. – 2015. – Vol. 4. – P. 201–214.

*Текст поступил в редакцию 30.04.2023.
Принят к печати 29.05.2023.
Опубликован 21.12.2023.*

References

1. Abaev N. Tengrianstvo As National and State and National Religion of the Turko-Mongolian People of Internal Asia. *Black Sea Int. Sci. J.* 2013, no. 19, pp. 3–10.
2. Abaev N. V. *Arhaicheskie formy religii i tjengrianstvo v jetnokul'turogeneze narodov Vnutrennej Azii* [Archaic forms of religion and Tengrianism in the ethnocultural genesis of the peoples of Inner Asia]. Ulan-Udje: Burjatskij gosudarstvennyj universitet imeni Dorzhi Banzarova, 2015, 248 p. (In Russian).
3. Ajupov N.G. *Tengrianstvo kak otkrytoe mirovozzrenie* [Tengrianism as an open worldview]. Almaty : KazNPU im. Abaja ; "KIE" Publ., 2012, 256 p. (In Russian).
4. Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. *Revista de Humanidades.* 2017, vol. 30, pp. 141–154.
5. Bang M., Marin A. Nature–culture constructs in science learning: Human/non-human agency and intentionality. *Journal of Research in Science Teaching.* 2015, vol. 52, no. 4, pp. 530–544.
6. Bicheldej K.A. *II-ja Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija "Tengrianstvo i jepicheskoe nasledie kochevnikov Evrazii: istoki i sovremennost'"* [The 2nd scientific and practical International Conference "Tengrianism and the epic heritage of the nomads of Eurasia: origins and modernity"]. Ulaanbaatar, 2009. Available at: <https://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/tengrianstvo-v-centralnoj-azii-i-sayano-altaj-istoki-i-etnokulturnye-vzaimosvyazi> (accessed on April 28, 2023) (in Russian).
7. Dallos E. About the Concept of Tengrism. *Papers of the 7 th International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe "Competing Narratives between Nomadic People and their Sedentary Neighbours"*. Szeged, 2019, p. 67.
8. Fel'dman V.R. Abaev N.V. *Vestnik BGU* [Bulletin of BSU]. 2014, no. 6-1, pp. 3–8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsiya-narodov-tsentralnoj-azii-substantsionalnye-osnovaniya-bytiya> (accessed on April 28, 2023) (in Russian).
9. Fel'dman V.R. *Novye issledovanija Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2011, no. 2–3, pp. 243–247 (in Russian).
10. Homushku O.M. *Religija v istorii kul'tury tuvincev* [Religion in the history of Tuvinian culture]. Moscow: "Nauka" Publ., 1998 (in Russian).
11. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs.* 1993, vol. 72, no. 3, pp. 22–49.
12. Kodar A.A. *Novye issledovanija Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2009, no. 1–2, pp. 216–225. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tengrianstvo-v-kontekste-monoteizma-1> (accessed on February 12, 2023) (in Russian).
13. Kodar A.A. *Novye issledovanija Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2009, no. 4, pp. 82–90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tengrianstvo-v-svete-nomadologii-deleza-gvattari> (accessed on April 28, 2023) (in Russian).
14. Kyzlasov I.L. *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija* [The Great Russian Encyclopedia]. Vol. 32. Moscow, 2016, p. 29 (in Russian).
15. Mongush S.O.o., Danchaj-ool, A.A. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2022, no. 7(99), pp. 29–35. DOI 10.24158/fik.2022.7.4 (in Russian).
16. Navaanzoch H. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Tuva State University. Pedagogical sciences]. 2015, no. 4, pp. 30–34. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-v-uslovyah-polietnichnosti-na-primere-hobdskogo-aymaka-mongolii> (accessed on April 28, 2023) (in Russian).
17. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [New Philosophical Encyclopedia]. Vol. 1: A–D. Moscow: "Mysl" Publ., 2010, 741 p. (In Russian).
18. Oorzhak A.V., Nazyn Ch.D., Ondar E.Je., et al. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Estestvennye i sel'skohozjajstvennye nauki* [Bulletin of Tuva State University. Natural and agricultural sciences]. 2021, no. 1 (73), pp. 6–23 (in Russian).
19. Roux J.-P. Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques. *Revue de l'histoire des religions.* 1956, vol. 149, no. pp. 49–82.
20. Rudenko Y.I. Spiritual Unanimity and Ecological Morality of Hinduism and Tengrism. *Sanskrit Studies.* 2015, vol. 4, pp. 201–214.
21. Shevchenko O.M. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Socio-humanitarian knowledge]. 2013, no. 7, pp. 16–31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasovaya-identichnost-i-ksenofobiya-v-epo-hu-moderna> (accessed on April 28, 2023) (in Russian).
22. Suzukej V.Ju., Huler S.A. *Kul'tura i civilizacija* [Culture and civilization]. 2022, vol. 12, no. 1A, pp. 93–101. DOI: 10.34670/AR.2022.10.47.010 (in Russian).
23. *Tengrianstvo i jepicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost': sbornik VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskaj konferencii (22–23 sentjabrja 2021 g., Dombaj, Respublika Karachaevo-Cherkessija, Rossija)* [Tengrianism and practical application of the peoples of Russia: origins and modernity: Collection of the VIII International Scientific and Practical Conference (September 22–23, 2021, Dombay, Republic of Karachay-Cherkessia, Russia)]. Mezhdunarodnyj Fond issledovanija Tengri, 2022, 460 p. (In Russian).
24. Ulanov M.S. *Novye issledovanija Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2022, no. 3, pp. 103–115. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.8> (in Russian).
25. Zinkovskij E.A., Kuznecova K.V. *Vestnik RHGA* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities]. 2021, no. 2, pp. 263–269. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bogoslovskaya-anthropologiya-i-pedagogika-k-voprosu-sotrudnichestva> (accessed on April 28, 2023) (in Russian).

Submitted for publication: April 30, 2023.

Accepted for publication: May 29, 2023.

Published: December 21, 2023.